

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ОТРЫВКА ИЗ «БЫЛОГО И ДУМ»

Публикация В. Путицева

Известно, что многие страницы «Былого и дум» при жизни Герцена опубликованы не были. Лишь спустя почти полвека после его смерти в собрании сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке появился знаменитый «рассказ о семейной драме», те волнующие главы мемуаров, о которых Тургенев, прочтя их в рукописи, отозвался следующими словами: «Всё это написано слезами, кровью: это — горит и жжет» («Первое собрание писем И. С. Тургенева»). СПб., 1884, стр. 281 — письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину от 19 января 1876 г.). Отдельные разрозненные очерки из «Былого и дум» («Н. Х. Кетчер», «Эпизод из 1843 года», «Немцы в эмиграции» и др.) вошли в «Сборник посмертных статей» Герцена, изданный в Женеве в 1870 г. Герцен не желал их печатать. «Ничего для печати», — пометил он на одной из тетрадей (Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Г.—О. I. 2). Известно также, что, печатая главы «Былого и дум» на страницах «Полярной звезды» и подготавливая отдельное издание мемуаров в 1861—1866 гг., Герцен во многих случаях по соображениям политического или тактического характера, а чаще всего из-за интимного содержания рассказа опускал те или иные места. Многие были восстановлены в тексте «Былого и дум» в последующих изданиях (например, страницы о П. П. Медведевой в гл. XXI — «Разлука» — части третьей, или отрывок о горничной Катерине в гл. XXVIII части четвертой); кое-что затерялось и до сих пор вызывает догадки и предположения исследователей (см. подробнее в моей статье «Из творческой истории „Былого и дум“» — Сб. «А. И. Герцен». М., Государственный литературный музей, 1946).

1

К числу утраченных страниц «Былого и дум» относятся до сих пор и воспоминания Герцена о его старшем брате (от другой матери), Егоре Ивановиче (1803—1882). В I главе мемуаров, опубликованной в «Полярной звезде» на 1856 г. (кн. II), Герцен сделал следующую сноску: «Кроме меня, у моего отца был другой сын, лет десять старше меня. Я его всегда любил, но товарищем он мне не мог быть. Лет с двенадцати и до тридцати он провел под ножом хирургов. После ряда истязаний, вынесенных с чрезвычайным мужеством, превратив целое существование в одну перемежающуюся операцию, доктора объявили его болезнь неизлечимой. Здоровье было разрушено; обстоятельства и нрав способствовали окончательно сломать его жизнь. *Страницы, в которых я говорю о его уединенном, печальном существовании, выпущены мною; я их не хочу печатать без его согласия*» (стр. 55; курсив наш. — В. П.).

Публикуемый ниже отрывок и является, несомненно, одной из страниц рассказа Герцена о Егоре Ивановиче, опущенных в «Полярной звезде» и никогда не воспроизведенных в печати.

О тех тяжелых отношениях, какие сложились между И. А. Яковлевым и его старшим сыном, о том, как болезненно воспринимал Егор Иванович «замечания и капризы отца», сохранились свидетельства и других мемуаристов. Т. П. Пассек, очевидно со слов самого Егора Ивановича, писала, что старик Яковлев «с первого взгляда <по возвращении из-за границы. — В. П.> почувствовал к сыну нерасположение, которое

и продолжалось всю его жизнь; оно выражалось ничем не заслуженными притеснениями, доходившими до оскорблений самых глубоких» (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет, изд. 2, т. I. СПб., 1905, стр. 39). По свидетельству М. К. Рейхель, «отношения между отцом и сыном были холодные, формальные», но причину этих отношений, в отличие от Герцена («Бедный страдалец воображал, что отец его терпеть не может»), Рейхель видит не в излишней мнительности Егора Ивановича, а в действительно «отсутствии привязанности со стороны отца», в «отцовском деспотизме, который выражался в крайнем стеснении сына» («Отрывки из воспоминаний М. К. Рейхель и письма к ней А. И. Герцена». М., 1909, стр. 18).

Упоминание Герцена о музыкальности брата также находит подтверждение в воспоминаниях современников. «Он был очень музыкален,— пишет, например, М. К. Рейхель,— и, если не ошибаюсь, брал уроки музыки у Гебеля и сам хорошо играл...» (там же, стр. 19).

〈ВСЁ НЕСЧАСТИЕ БОРЬБЫ, НА КОТОРУЮ ОН ПОТРАТИЛ ТАК МНОГО СЕБЯ...〉

Всё несчастье борьбы, на которую он потратил так много себя, состояло преимущественно в том, что он слишком серьезно и добросовестно принимал замечания и капризы отца. В преследованиях его ничего не было *лютого*: *tracasseries**, к которым он привык и которыми теснил нас, обращаясь ко всем. Бедный страдалец воображал, что отец его терпеть не может. Ненавидеть не только без причины, но и с причиной было вовсе не в нраве старика; он действительно был слишком эгоист, чтоб ненавидеть.

Принимать поверхностные шероховатости жизни за большие бедствия — страшная вещь. Без доли лёгкости невозможно жить человеку; кто всё принимает к сердцу, тому нет места на земле. Он столько же вне истинной жизни, как тот, с которого всё стекает, как с гуся вода. Две-три струны играют приму — когда они обрываются, всё должно обрываться, когда они фальшат — всё фальшит; остальное — хор, аккомпанемент, вариации — они могут прибавить согласия или несогласия, но основного тона не должны менять в здоровой натуре; человек может от них освободиться, но для этого надобно иметь внутри себя — или, пожалуй, вне — другие обитатели.

Натура больного именно не была здоровой натурой. Единственная обитель, которая могла представить выход брату, была музыка. Но он был уж слишком замучен, чтоб сделаться истинным артистом. Воспитанье, задержанное болезнью и небрежностью, не дало ему никаких средств внутреннего освобождения. Он вовсе не был лишен способностей, но одичал в своей физической и моральной борьбе.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, л. 56.

2

Купюры и пропуски в тексте которые Герцен допускал при публикации «Былого и дум», обычно отмечались им в «Полярной звезде» и в отдельных изданиях двумя-тремя рядами точек. Так выделил он опущенные страницы о П. П. Медведевой в «Полярной звезде» на 1857 г. (кн. III, стр. 98; ср. в отд. изд.— Лондон, 1861, т. II, стр. 45), указав читателю на пропуск в главе XXVIII («Былое и думы», 1861, Лондон, т. II, стр. 245) и т. д. Действительно, в рукописи этих глав точкам соответствовали целые страницы текста. Таким образом, пользуясь указаниями самого Герцена, мы можем с большой достоверностью судить о том, в каких именно главах «Былого и дум» остаются до сих пор не известные места и какие возможны находки. Совершенно очевидно, например, что в главе XXXII, первоначально опубликованной в «Полярной звезде» на 1858 г., кн. IV, на стр. 191 под строкою точек скрывался большой кусок текста,

* придирки (франц.).

соответствующий подзаголовкам: «Дамское общество.—Mésalliance*.—Из журнала женщины». Но рукописью этой главы мы не располагаем, и восстановить пропущенный отрывок представляется невозможным.

В той же книге «Полярной звезды» Герцен опубликовал главу XXXIX части пятой, в которой рассказал, как «тугой на уплату петербургский 1-й гильдии купец Николай Романов» уплатил, «по высочайшему повелению Ротшильда», незаконно задержанные им деньги матери Герцена «с процентами и процентями на проценты». Рассказ о встрече и беседе Герцена с Ротшильдом в «Полярной звезде» неожиданно обрывался строками точек. «Нас прервали...» — писал затем Герцен.— Шомбург <служащий Ротшильда.— В. П.> просил меня зайти через полчаса. Было ясно, что точками заменен выпущенный Герценом кусок текста. В самом деле, рукопись этого отрывка, обнаруженная в «пражской коллекции», вместо точек содержит публикуемый нами крайне любопытный диалог.

Опустив эту сцену, Герцен должен был внести исправления в последующий текст, тщательно удаляя не скрываемую в рукописи иронию по отношению к всеильному банкиру. Так, после слов Ротшильда: «Вы увидите, как они повернутся; я им покажу как со мной шутить» — Герцен печатает: «...я хотел стать на колени и принести, сверх благодарности, верноподданническую присягу, но ограничился тем, что сказал...» и т. д.— вместо гораздо более острого черного варианта рукописи: «Только не за полпроцента», — подумал я,— и хотел стать...», и т. д.

«ОЧЕНЬ РАД... НО,—СКАЗАЛ ОН...»

— Очень рад... но,—сказал он, держа перо в руке и с каким-то простодушием глядя прямо мне в глаза,— но, любезный барон, неужели вы думаете, что я подпишу это письмо, которое au bout du compte** может меня посорить с Россией,— за полпроцента комиссии?

Я молчал.

— Во-первых,— продолжал он,— у Гассера будут расходы, у вас даром ничего не делают — это, разумеется, должно пасть на ваш счет; сверх того... сколько предлагаете вы?

— Мне кажется,— сказал я,— что вам бы следовало предложить, а мне согласиться.

— Ну, пять, что ли? Это не много.

— Позвольте подумать...

Мне хотелось просто рассчитать.

— Сколько хотите... Впрочем,— прибавил он с мефистофелевской иронией в лице,— вы можете это дело обделать даром — права вашей матушки неоспоримы, она виртембергская подданная, адресуйтесь в Штутгард — министр иностранных дел обязан заступиться за нее и выхлопотать уплату. Я, по правде сказать, буду очень рад свалить с своих плеч это неприятное дело.

Нас прервали. Я вышел в бюро, пораженный всею античной простотой — его взгляда и его вопроса. Если б он спросил 10, 15 процентов, то я и тогда бы согласился. Его помощь была мне необходима, он это так хорошо знал, что даже подтрунил насчет обруселого Виртемберга. Но снова руководствуясь той отечественной политической экономией, что за какое бы пространство извозчик ни спросил двугривенный — всё же подробовать предложить ему пятиалтынный, я, без всякого достаточного основания, сказал Шомбургу, что полагаю, что один процент можно сбавить. Шомбург обещал сказать и просил зайти через полчаса.

Автограф. ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 20, лл. 47 об.—48.

* Неравный брак (франц.).

** в конечном счете (франц.).